

**ЭРНЕСТО СПИНЕЛЛИ. ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ МИР. ВВЕДЕНИЕ В
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ¹
(ГЛАВА 7. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

**E. SPINELLI. THE INTERPRETED WORLD. AN INTRODUCTION TO
PHENOMENOLOGICAL PSYCHOLOGY.
(CHAPTER 7. PHENOMENOLOGICAL RESEARCH)**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО А. ХАХАЛОВОЙ

Старший преподаватель Восточно-Европейского института психоанализа, 197198 Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: khakhalova@mail.ru

ANNA KHAKHALOVA (TRANS.)

Assistant professor of the East-European Institute of Psychoanalysis, 197198 St. Petersburg, Russia.
E-mail: khakhalova@mail.ru

Немногие вещи принесли больший вред, чем убежденность со стороны отдельных людей или групп в том, что он, или она, или они единственные обладают истиной... Лишь из страшного и опасного самомнения можно полагать, что только ты один прав... и что другие не могут быть правы, если они с тобой не согласны.

(Иссайя Берлин)

В этой главе я преследую двойную цель. Во-первых, я намерен представить краткий обзор некоторых центральных идей феноменологии в их связи с современными научными исследованиями. Во-вторых, я рассмотрю возможности феноменологически ориентированного исследования в науках о жизни, в частности, в психологии.

Позвольте мне начать с очень краткого представления специфики гуманитарных наук и их расхождений с более привычным и общепринятым «естественнонаучным» подходом, разделяемым науками о жизни. Современная феноменология наук о жизни отчетливо признает, насколько она обязана идеям, восходящим к философским вопросам, которые, несмотря на то, что их можно проследить непосредственно вплоть до Платона, Канта и Гегеля, были особым образом сформулированы в начале двадцатого века Эдмундом Гуссерлем, основателем феноменологии. Его идеи относительно формального научного исследования были затем развиты такими феноменологически образованными мыслителями, как Пауль Колацци (Colaizzi, 1973), Мишель Кроти (Crotty, 1996), Амадео Джорджи (Giorgi, 1985), Гунар Карлсон (Karlsson, 1993), Стайнер Квале (Kvale, 1996) и Кларк Мустакас (Moustakas, 1994).

Гуманитарные vs естественные науки

Как я отмечал в предыдущей главе,² именно Вильгельм Дильтей впервые ввел различие между естественными науками и гуманитарными (Hodges, 1952). Он утверждал, что эти разные области науки требуют разных методологий в силу того, что первая основана на объяснении, в то время как вторая основана на интуитивном понимании. Большую часть только что прошедшего века гуманитарные науки были едва ли не забыты или отвергнуты. Но совсем недавно эта ситуация стала меняться. Особенно сильно эффект этого изменения ощущается в сфере психотерапевтического исследования, в которой поддерживается устойчивая и незатухающая критика, касающаяся спорной ценности психотерапевтических анализов, обусловленных естественно-научными, модернистскими допущениями и сфор-

¹ Перевод выполнен по изданию: Spinelli, E. (2005). Ch. 7. *Phenomenological Research*. In: *The Interpreted World. An Introduction to Phenomenological Psychology*. London: SAGE Publications Ltd. pp. 128–142. – *Прим. пер.* ©SAGE Publications Ltd, 2005.

² (Spinelli, 2005, 109).— *Прим. пер.*

мированных согласно диктатам логико-эмпиристской методологии (Denzin & Lincoln, 1994; Kvale, 1994; Mahrer, 2000).

Доминирующее отношение к психологическому исследованию заставляет признать в качестве его цели производство «совокупности фактов <...>, которые могут быть объективно открыты с помощью методологии, смоделированной по образцу естественных наук» (Кауе, 1995, 36). Такая естественно-научная позиция изучает различные психологические переменные посредством: а) редукции их к наблюдаемым, поддающимся количественному определению элементам; б) использования контролируемого экспериментального метода; и в) поиска верификации через повторение.

В итоге, в целях исследования, [психологию] стали рассматривать в качестве принципиально законосообразного процесса, компоненты которого можно изолировать, в котором причину и следствие можно обнаружить эмпирическим путем, в котором можно систематически установить критические переменные, закономерно связанные с изменением (Кауе, 1995, 36).

Такая перспектива, хотя поначалу для некоторых и выглядит привлекательной, лишается своего обаяния, когда мы принимаем в расчет ее следствия.

Тогда обнаруживается, что такой естественно-научный подход к исследованию не только разрывает связь психологии с соответствующим ей контекстом, но и сам оказывается заметно оторванным от какой бы то ни было релевантной формы исследования, как в отношении результатов, так и в самом процессе исследования. В самом деле, этот вид исследования затрагивает центральные темы психологии, трансформируя их во что-то другое, что удовлетворяет диктатам естественно-научной парадигмы. Джон Кэйи, пишущий о влиянии этой парадигмы, в частности, на психотерапевтическое исследование описывает также масштабы этого влияния на психологию в целом:

Исследование внутри этой системы с необходимостью требует либо редукции изучаемого феномена к измеримым переменным, либо отбора для изучения только тех аспектов феномена, которые могут быть обращены в измеримые переменные... [Р]езультатом этого может стать только фрагментарная картина... картина, которая также искажает свою целостную, контекстуальную природу (Кауе, 1995, 46).

Какая альтернатива у нас есть? Согласно Дильтею, мы располагаем гуманитарным подходом.

С точки зрения гуманитарных наук, исследовательская деятельность, ориентированная на интерпретацию, не может быть полностью выполнена посредством наблюдения за индивидом как за сложным механизмом, приспособленным отвечать на определенные условия в привычном режиме; скорее мы должны проникнуть внутрь форм жизни и социально нормированных закономерностей, в которых личностная активность приобретает свои очертания. Это требует <...> эмпатической и воображаемой идентификации с субъектом... (Gillet, 1995, 112).

Рассматриваемое в рамках психологии, гуманитарно-научное исследование подчеркивает тот факт, что психология неизбежно включает в себя выяснение и интерпретацию *смысла (meaning)*. Эта неизбежность служит в качестве ключевого различающего фактора между гуманитарными и естественными науками: перспектива первых идет вразрез с доминирующим позитивистским допущением объективно познаваемой, эмпирически выведенной реальности, предписанной последней. Далее, этот отличительный признак

гуманитарных наук подчеркивает роль языка как первичной составляющей «реальности». Сосредоточение на языке не ограничивается исключительно понятиями языка в разговорном смысле этого термина. Стремление осмыслить мировоззрение другого, согласно Ойгену Гендлину (Gendlin, 1997), не является личностным когнитивным процессом, но требует участия «живой телесности» как аутентифицирующей и обосновывающей процедуры, то есть «отвечающей» на те телесные, вызывающие воспоминания измерения опыта, которые придают словам личностную окраску. Далее, эта позиция открывает горизонт исследований, направленных на осознание эстетических тем в качестве возможных линий развития вопроса.

В целом, как показали Денцин и Линкольн (Denzin & Lincoln, 1994), гуманитарно-научная работа основывается на представлениях, альтернативных идеям естественно-научного исследования. Эти представления включают в себя такие понятия, как авторитетность (*trustworthiness*), доверительность (*credibility*), надежность (*dependability*) и подтверждаемость (*confirmability*); они призваны укоренить естественно-научное понятие обоснованности (*validity*) в гуманитарно-научном контексте. Подобным образом, несмотря на то что понятия достоверности (*reliability*) и обоснованности, которые остаются центральными элементами методологии естественно-научного исследования, непосредственно не используются гуманитарно-научным исследованием, его подходы полагаются на *проверяемость* (*verifiability*) заключений исследователя в той мере, в какой проверяемость отсылает к тому, «может ли другой исследователь допустить перспективу данного исследователя, пересмотреть начальный протокол данных и убедиться в том, что предложенное видение значимо освещает изучаемые ситуации» (Churchill & Wertz, 2001, 259).

Вдобавок, как выразился Ром Харре (Rom Harré), доминирующая естественно-научная парадигма, принимаемая значительной частью психологических исследований, покоится на «иллюзии индивидуальной субъективности», которая несостоятельна. «Множество психологических феноменов, которые изначально приписывались отдельным индивидам, являются на самом деле совместно приобретенными результатами сущностно конвенциональных взаимодействий» (Harré, 1991, 16).

Тем не менее нужно признать, что эти интерпретативные методологии, даже если они используются подобающим образом, продолжают рассматриваться с подозрением не только теми, кто развивает методологии естественно-научных исследований, но, что более существенно, теми, кто имеет непосредственное влияние на то, какие виды исследования получают финансовую поддержку, будут акцентированы и особо отмечены в психологических программах как младших, так и старших курсов.

В большинстве случаев это сопротивление гуманитарно-научному типу исследования зиждется, я полагаю, на критическом недопонимании того, что интерпретативные и конструктивистские подходы ведут исследование к логическому «тупику» — релятивистской реальности, где все позиции подлежат объяснению и рассмотрению в качестве одинаково ценных и равно достойных. Если бы так обстояло дело, я был бы не менее осторожен, чем любой другой, к таким начинаниям. Но, к счастью, это заключение с очевидностью искажает данные формы исследования. Говоря проще, этот тип исследования не только не ведет нас к предельным формам релятивизма, но, как это давно показала феноменология (и как я пытался продемонстрировать в этом тексте), раскрывает нам интер-реляционную (*inter-relational*) реальность с ее различными структурами и границами, руководящими принципами, на основании которых можно выдвигать суждения относительно того, какая позиция или установка более адекватна. Правда, это может с легкостью привести к более изошренным формам понимания, но никак не к тому релятивистскому хаосу, о котором говорят критики.

Феноменологическое исследование: общие принципы

Феноменология, обращаясь к психологическому исследованию, пытается понять более адекватно ситуацию человека³ в той форме, в которой она проявляется в живом, конкретном опыте. [Такая ситуация] включает в себя не только наблюдаемые, поведенческие данные опыта, но также целую область состояний интер-реляционного бытия, подлежащих интерпретации и включающих такие моменты как мгновения радости, абсурдности, тревоги, смущения и так далее. Иными словами, феноменологическое исследование охватывает все возможные переживания, доступные человеческой рефлексии. Феноменология стремится установить совокупность более адекватных критериев для исследования феноменов в том виде, в каком мы в действительности проживаем и испытываем их. Как Валле и Кинг (Valle & King, 1978) выразили это:

[Феноменология] старается понять события человеческого опыта таким путем, который свободен от предрассудков нашего культурного наследия, в особенности философского дуализма и технологизма, насколько это возможно. Применяемая в особенности к феноменам человеческой психики [феноменология] является психологической дисциплиной, проясняющей сущность, структуру или форму человеческого переживания и поведения в той мере, в какой оно раскрывается через сущностно-дескриптивные техники, включая выработанную практикой рефлексии (Valle & King, 1978, 7).

Напомним, что феноменология изначально рассматривалась Эдмундом Гуссерлем как практическая и научная философия, которая могла предоставить метод исследования для всех аспектов живого опыта и ментальной активности. Задача феноменологического исследования стала задачей освещения и раскрытия структур значения живого опыта. Феноменология занимает точку зрения, согласно которой переживание не является внутренним, интра-психическим процессом. Вместо того, чтобы быть «у нас в голове», опыт всегда имеет дело с неким взаимоотношением и является его выражением. Опыт всегда уже вовне, в мире. Как таковое, изучение опыта является обоснованной и необходимой психологической задачей.

Феноменологическая экспозиция и прояснение каждого акта переживания концентрируется на двух симметричных позициях: направленный, или ноэватический, фокус опыта (его «чтойность») и его ноэтический референциальный или контекстуальный фокус (его «каковость»). Эти фокусы образуют *структуру* опыта. Говоря феноменологически, «структурность» отсылает к осмысленности опыта. Структура феномена — это общность, прочитываемая в ее множественных различных явлениях.

Первичная задача феноменологического исследования состоит в том, чтобы осветить и раскрыть состав или способ бытия всякой данной структуры в ее осмысленности. В связи с этим, если задачей феноменологического исследователя является раскрыть переживание радости, или депрессии, или скуки, или любого другого доступного нам человеческого переживания, которое может быть, то вполне возможно начать исследование с выявления отдельных случаев таких переживаний, но только так, чтобы они могли помочь нам приблизиться к более адекватному пониманию опытных переменных, которые конституируют или структурируют опыт вообще. Следовательно, сосредоточение на субъективности — это только шаг в сторону прояснения более универсальной «структурированности» опыта.

³ Human Condition — понятие, используемое Х. Арентс для обозначения специфически человеческой экзистенции (Arendt, 1958). — Прим. пер.

Чтобы пояснить то, о чем мы говорим, рассмотрим пример, предложенный Валле и Кингом (Valle & King, 1978). Представьте, что Вы переписываете ноты, составляющие мелодию из первой части Пятой симфонии Чайковского. Если Вы затем вновь запишете эту мелодию, транспонируя ее на одну октаву, Вы преобразуете совершенно иное множество музыкальных нот. Хотя две нотные записи обнаруживают поверхностные различия между собой, лежащая в их основе мелодия остается той же самой. В то время как естественно-научное психологическое исследование фокусируется «на нотах», феноменологическое старается раскрыть «мелодию», то есть, говоря в общих чертах, фундаментальную структуру сознательного опыта.

Как утверждает Колацци (Colaizzi, 1973), «...не раскрыв сначала оснований феномена, нельзя достичь никакого прогресса в его понимании, нельзя даже сделать первого, хотя бы и неуверенного, шага по направлению к нему — будь то при помощи науки или любого другого вида познания» (Colaizzi, 1973, 28).

Обобщая, можно сказать, что феноменологическое исследование призывает к установке, выраженной Кнорр-Кертиной (Knorr-Certina) в качестве установки превращения «явного в проблематичное» (Kaye, 1995, 30).

Феноменологическое и традиционное психологическое исследование: сравнение

Как мы убедились, целью Гуссерля было не что иное, как разрешение одной из центральных проблем, преследующих западную философию, а именно проблемы раскола между субъективностью и объективностью и его последствий для наших суждений о природе и структуре реальности. Гуссерль стремился создать подлинно научную философию — не философию науки, но, скорее, философию, которая могла бы служить основанием для *всякого* научного разыскания.

Для наших целей самым значительным является то, что Гуссерль развил метод подхода к вопросам, затрагиваемым научным познанием, который, как мы увидели, обычно называют «феноменологическим методом редукции». Этот метод выдвигает важные, даже ключевые, возражения против многих допущений, лежащих в основе «естественно-научного подхода» к научному исследованию, который так возобладал над западной мыслью.

Возможно, самое фундаментальное возражение направлено против наивного допущения естественно-научного подхода относительно того, что мы можем с определенной достоверностью говорить об истинной или объективной природе реальности. Вместо этого феноменология утверждает, что мы никогда не сможем познать реальный мир, но лишь интерпретированный мир — мир, который возникает через нашу рефлексию о нем. Следовательно, все наши утверждения о мире, или о каком-либо аспекте мира — включая, разумеется, нас самих, — являются, в лучшем случае, приблизительными. Мы никогда не сможем на самом деле говорить о «фактах» или высказываться с какой-либо окончательной достоверностью, потому что все наши утверждения обнаруживают ограничения и допущения, которые чинят помехи нашей способности описывать или понимать вещи такими, какие они есть. Феноменологическое познание не обещает предоставить такой вид данных, который продуцируют естественно-научные методы. С другой стороны, отказываясь от идеи окончательного суждения о каком-либо аспекте исследования, оно обеспечивает нас открытыми возможностями, незамутненным разумом (*open-mindedness*) при изучении каждой грани человеческого опыта, которые могут быть в высшей степени желательны не только сами по себе, но также, возможно, в контексте таких вопросов, как анализ принятия решений, направление социального изменения и так далее.

Как я уже говорил, феноменология находится в противостоянии естественно-научной точке зрения и лежащим в ее основе допущениям, поскольку вопросы, которые она ставит, и методы, которые она использует, основаны на тщательно артикулированном, но, бесспорно,

отличном от естественно-научного наборе философских допущений. Очевидно, что те, кто ищет или ожидает получить форму методологии исследования, аналогичную той, которую задевают естественно-научные допущения, будет разочарован в возможностях феноменологического исследования.

Какими, в таком случае, могут быть некоторые наиболее непосредственные следствия феноменологического исследования для современной психологии?

Во-первых, в отличие от традиционной психологии, феноменологическая психология отрицает возможность истинно объективного наблюдения и познания. Скорее, она предполагает неразрывную взаимосвязь и взаимоотношение (*inter-relationship*) между исследователем и фокусом его или ее исследования. Считается, что оба эти момента *взаимно конституируют* (*co-constitute*) друг друга. Основаниями для со-конституциональности являются *диалог и раскрытие* (*disclosure*). Индивиды и их мир всегда находятся в диалоге друг с другом, в котором каждый является необходимым конституирующим элементом построения феноменальной реальности. Каждый находится по отношению к другому в отчасти активном, отчасти пассивном отношении. Подобным образом все виды взаимодействия обнаруживают, идентифицируют, определяют — одним словом, раскрывают свои со-конституенты (*co-constituents*). Это фундаментальное допущение чаще всего выражается в таких терминах, как «фигура-фон», «самость-другой» или «Я-не Я».

Второе большое расхождение касается понятия сознания. В наиболее распространенной модели психологического исследования природа сознания *per se* редко возникает в качестве специальной проблемы. Для феноменологической психологии сознание является центральным пунктом для всякого исследования, поскольку первичной целью феноменологического исследования является адекватное приближение, насколько это возможно, к наиболее полному и непосредственному опыту. Феноменологическое исследование опирается на феноменологический метод, с помощью которого исследователи в более соответствующей форме смогут приостановить или отложить в сторону свои собственные допущения и предрассудки. Чтобы инициировать этот процесс *заклучения в скобки*, исследователи должны в первую очередь сделать свои допущения явными настолько, насколько это выполнимо. При осуществлении этой задачи исследователи чаще всего обнаруживают другие, ранее не подвергнутые сомнению допущения, лежащие в основе первых. По мере своего появления эти допущения также *заклучаются в скобки*, насколько это возможно. Очевидно, что процесс *заклучения в скобки* не заканчивается никогда. Но этот процесс сам по себе уводит исследование от естественно-научной установки, полагающей субъектно-объектное отношение, и приводит к феноменологической установке, которая признает и помещает акты исследования *внутри* со-конституциональности.⁴ Как указал Занер (Zaner, 1970), точно так же, как объекты обретают присутствие благодаря сознанию, сознание, в свою очередь, обнаруживается и проясняется благодаря объектам.

В-третьих, феноменологическое исследование отрицает общее представление о причинности в его линейной форме. Следовательно, главный интерес исследования обращен к иному рода объяснениям, отличным от объяснений, построенных на основе событий или обстоятельств, связанных, как заявляется, некоей причинной цепью событий, которые воспринимаются как однонаправленно исходящие из некоторой точки прошлого в настоящее. События прошлого и настоящего, бесспорно, могут представлять собой интерес и быть предметом рассмотрения, но безосновательно предполагать, что первое событие является причиной второго. В вышеприведенном обзоре имплицитно содержится отрицание стандартных исследовательских понятий контрольных групп, зависимых или независимых переменных, предварительных гипотез и так далее, поскольку все они предполагают в большей или меньшей степени понятие линейной причинности.

⁴ Когда индивид (исследователь) и мир друг друга соконституируют. — Прим. пер.

Феноменологическая критика традиционных методов психологического исследования — то есть экспериментирования в сочетании с операциональными определениями — утверждает, что эти методы в значительной степени исключают, трансформируют, отрицают, ограничивают или принижают живой человеческий опыт. Джон Роуан (John Rowan), пишущий о качественном исследовании в целом представил эту точку зрения в характерном сжатом виде: « [р] ассматривать людей как вещи методологически неверно» (Rowan, 1998, 578).

В то время как традиционные методы полагаются на выделение отдельных переменных и манипулирование ими с целью различения причинных объяснений отдельных событий, феноменологические методы рассматривают в первую очередь исследовательские стратегии, предназначенные аккумулировать все более адекватное описание всякого данного феномена так, как он *сам себя предъявляет* в опыте.

Феноменологический метод не требует от исследователя с самого начала задать границы всех возможных продуктивных каузальных связей. Неверно также полагать, будто исследователи должны свести фокус их изучения к множеству операциональных определений, которые навязывают искаженное предубеждение (*bias*) об изучаемом событии, а затем, должны ограничить сферу возможных определений (*definitional possibilities*) теми, которые могут быть исследованы с помощью особых форм статистического анализа. Скорее, феноменологическое исследование признает множественную, даже неисчерпаемую, сферу возможных определений. И, опять же, в отличие от традиционных подходов, феноменологический старается не занимать позиции, которая требует отказаться от одних данных в пользу других из-за соперничающих, уникальных и взаимоисключающих вариантов. Вместо этого позиция, занимаемая феноменологическим исследованием, комплементарно-сфокусирована таким образом, что все данные — даже наиболее идиосинкратические — можно должным образом рассмотреть, не отказываясь от их [дополнительных] возможных значений (*meaning possibilities*).

В отличие от традиционных исследовательских стратегий, замысел феноменологического исследования с самого начала основан на сотрудничестве. Исследователи и участники эксперимента (обычно обозначаемые как со-исследователи⁵) являются партнерами в данном процессе, смысл и цели которого можно с легкостью раскрыть и обсудить, без какого-либо намерения обмануть, исказить или затемнить весь этот процесс или его часть. Феноменолог не допускает мысли о том, что данные могут быть искажены знанием, воззрениями или незапланированными нововведениями со-исследователя.

В общем, главные методы традиционного психологического исследования — объективный эксперимент в сочетании с использованием операциональных определений — в значительной степени исключают вопрошание, которое *непосредственно* концентрируется на человеческом опыте. В свою очередь, это вопрошание составляет первостепенную задачу для практики психологии и психологического исследования, поскольку обе эти дисциплины требуют изложения и прояснения живого человеческого опыта. Иначе говоря, феноменолог должен отыскать метод вслушивания или разыскания, который не отрицает опыт, не принижает его и не переделывает его в операционально определяемое поведение. В самом деле, искомый метод стремится пребывать в границах человеческого опыта в той форме, в какой он переживается, и удерживать связь с ним в той форме, в какой он дан.

В то время как большинство психологов стремятся выработать «истину» (если быть более точным, *статистические приближения* к истине) на основе их исследований и экспериментов, феноменологи концентрируются на поиске утверждений, соответствующих «возрастающей

⁵ В англосаксонской традиции используется понятие «co-researcher» — со-исследователь, со-искатель, или со-участник; понятие, указывающее на равное положение исследователя и испытуемого, их совместную, взаимную работу в эксперименте. — *Прим. пер.*

адекватности» относительно структуры опыта. Это не просто вопрос семантики, поскольку такое изменение цели позволяет феноменологическим психологам включить в свои исследования те дескриптивные и качественные варианты живого опыта, которые эмпирическое исследование либо не может рассмотреть, либо, что более вероятно, просто не может заметить в границах своих количественных параметров. Соответственно, феноменологическое исследование обычно сосредоточивает основное внимание на изучении, описании и прояснении *качественных* переменных. Я утверждаю очевидное, говоря, что этот важный акцент редко затрагивается теми психологами, которые работают в границах, навязанных психологическому исследованию естественно-научным подходом.

В целом, всеобъемлющая цель феноменологического исследования состоит в том, чтобы предоставлять скорее возрастающие по адекватности утверждения смысла / значения, чем окончательные законы или неоспоримые истины. В этом контексте, мы можем сделать вывод, основываясь на заключении, к которому пришел интер-реляционный психотерапевт Лесли Фарбер (Farber, 2000), относительно цели психотерапии: феноменология в большей степени стремится «говорить истинно» об опыте, чем сосредоточиваться на обретении окончательных или «достигнутых» истин.

Методология феноменологического исследования

Как осуществляется феноменологическое исследование? Подход, основанный на структурном методе (*structured method*), применяемым Паулем Колацци, который я представлю в последующем изложении, содержит, на мой взгляд, ключевые методологические характеристики феноменологического исследования в целом. Тем не менее, стоит отметить, что не существует *одного-единственного* феноменологического способа исследования. Допущение некоторого одного метода ошибочно. Вместо этого каждый феноменолог использует уникальные дескриптивные подходы, выведенные из феноменологического метода. Опять же, как утверждает Колацци, «каждый отдельный психологический феномен, сопряженный с определенными целями и задачами отдельного исследователя, порождает особый дескриптивный метод» (Colaizzi, 1978, 53). В общем подходе, предлагаемом Колацци, эту методологию лучше всего объяснить в качестве ряда «шагов».

Шаг 1. Исследователь моделирует короткое непредвзятое утверждение или научный вопрос, цель которого — навести фокус исследования и отобрать соответствующих со-исследователей, достаточно квалифицированных (с точки зрения опыта) для того, чтобы включиться в описательную работу. Этот шаг требует от исследователя вовлечения в предварительный процесс само-наблюдения, с целью выявления его (ее) допущений относительно изучаемого феномена таким образом, чтобы их можно было «заклЮчить в скобки», если они, конечно, ненароком не оказались включены в изначальную формулировку самого вопроса исследования.

Шаг 2. Исследователь проводит структурированное вокруг определенного вопроса собеседование с каждым со-исследователем. Речь идет об интервью с глазу на глаз, длящемся, как правило, один час.

Шаг 3. Дословная расшифровка интервью.

Шаг 4. Исследователь читает каждое записанное интервью (по договоренности называемое «протоколом») несколько раз, чтобы обрести «ощущение» их содержания.

Шаг 5. Исследователь возвращается к каждому протоколу и извлекает из него те фразы и предложения, которые имеют непосредственное отношение к исследуемому феномену так, что по окончании этого шага исследователь обладает собранным списком *значимых утверждений* (*significant statements*) из каждого протокола.

Шаг 6. Исследователь стремится выявить и детально объяснить смысл, содержащийся в каждом из значимых утверждений. Это формулирование смысла или продвижение от того, что было сказано, к тому, что имеется в виду, является самой неустойчивой, интерпретативной, частью процесса феноменологического исследования и требует от исследователя творческой проницательности — ведь с одной стороны, нужно остаться верным утверждению со-исследователя, а с другой — стремиться извлечь укоренный в нем смысл, зачастую скрытый.

Шаг 7. Теперь, сформулировав смысл / значение каждого из достоверных утверждений, выведенных из всех протоколов, исследователь распределяет совокупность сформулированных значений в группы тем, разделяемых одним, несколькими или всеми со-исследователями. Темы могут противоречить друг другу или даже быть не связанными друг с другом; они требуют от исследователя терпимости к неоднозначностям. Далее можно сформулировать значение, не подпадающее ни под одну из тематических групп, стоящее особняком. Такие значения также добавляются к окончательному списку тематических элементов.

Шаг 8. Список тематических элементов суммируется в исчерпывающее описание изучаемого феномена.

Шаг 9. Исследователь возвращает каждому со-исследователю исчерпывающее описание для того, чтобы каждый мог оценить его достоверность (как утверждение, [верно] схватывающее исследуемую опытную структуру).

Шаг 10. На основании комментариев, поправок, корректировки, новых дополнений, если они есть, исследователь составляет следующее, как правило, окончательное, исчерпывающее описание феномена. Хотя и никогда не завершающийся, поскольку стремление к достоверности будет стремиться к уточнению всякого «окончательного» утверждения, тем не менее этот шаг в большей степени, чем другие, прокладывает путь к дальнейшему, надо полагать, более адекватному исследованию. По крайней мере, этот шаг позволяет исследователю вернуться назад к исходному положению и проверить, насколько близко и чисто оно отражает актуальные положения со-исследователей; какие из ранее не увиденных допущений могли либо остаться внутри него, либо быть упущенными, что может повлиять на дальнейшую работу.

Как можно представить, начальная точка феноменологического исследования должна заключаться в прояснении собственной вовлеченности исследователя, его искажающих предпосылок и целей. Он (она) должны сначала прояснить насколько его (ее) склонности и предрасудки влияют на исследовательский проект. Например, относительный успех феноменолога в тщательном описании или осмыслении мировоззрения со-исследователя с целью их возможного прояснения, рассмотрения и оценки целиком зависит от более или менее точной попытки заключить в скобки отмеченные предвзятости и цели исследователя так, чтобы они не изменяли смысла, сообщаемого со-исследователем. Такое сфокусированное на исследовательской работе в применении феноменологического метода отражает среди прочего готовность или неготовность исследователя признавать и уважать автономность со-исследователя, его авторство и ответственность за опыт. Этот метод обнаруживает как силу, так и бессилие исследователя, подтверждая и проясняя его роль в исследовании и его вклад в работу. В общем, «фактическая истина» его (ее) данных становится как относительной (*relative*), так и реляционной (*relational*).

Нет нужды напоминать, что процесс феноменологической работы трудоемок, требует времени, чреват интерпретативными опасностями и никогда не заканчивается. И в то же время он часто радуется и удивляет своими плодами, интеллектуально и эмоционально воодушевляет и волнует; он способен сблизить исследователя и со-исследователя, подобно тому, как это происходит в психотерапии, причем с такой глубиной смысла и значимости для всех участников, которые невозможны в традиционном исследовании.

Пример феноменологического исследования

Даже после сказанного может остаться вопрос, стоит ли феноменологический подход и его применение в исследовании требуемых усилий. Этот вопрос мне кажется осмысленным, и он мотивирует меня к попытке убедить читателя в том, что игра стоит свеч, и выигрыш будет значительным.

Для решения этой задачи я сконцентрируюсь на необходимо кратком обзоре одного предварительного исследования, проведенного мною и небольшим количеством практикантов-психотерапевтов, заинтересованных в проведении феноменологического исследования с целью выявления возможных преимуществ, если они есть, такого психотерапевтического опыта для пациента.

При рассмотрении нашей отправной точки стало сразу очевидным, что мы не можем изначально опираться на те определения данного опыта или упрощенные сведения о нем, которые предоставляет традиционное психологическое исследование, поскольку эти операциональные определения элиминируют опытные аспекты феномена. Вместо этого, как феноменологи, мы должны были подойти к феномену, сохраняя верность тому, как наши со-исследователи его переживали.

Таким образом, мы столкнулись с проблемой первичного сбора описаний этого опыта нашими со-исследователями. Но как это сделать? Очевидно, мы должны были сформировать подходящий угол зрения, например, в виде ряда вопросов и утверждений, которыми могло бы руководствоваться дескриптивное исследование, призванное мотивировать у наших со-исследователей истинные утверждения относительно данного опыта.

Чтобы начать процесс прояснения нашей задачи, мы сначала сосредоточились на изучении наших собственных взглядов, подходов и сфер интересов, чтобы обнаружить, наконец, самые ярко выраженные допущения по исследуемой тематике. В процессе мы обнаружили разнообразные убеждения, предвзятости, гипотезы, установки и догадки, которых мы придерживались. На этом основании мы сконструировали формальное положение:

Психотерапевтический опыт позволяет мне почувствовать, что меня по-настоящему слушают, не критикуя, что позволяет мне честно и не с целью защиты рассмотреть комплекс собственных допущений о себе самом. В силу этого мне предоставляется возможность исследовать то, как эти допущения структурируют мой жизненный опыт, и усмотреть относительную свободу в их использовании или же попытаться уменьшить их силу. Это позволяет мне почувствовать себя в качестве автора (*source*) своего опыта, а не в качестве реагирующей на него «жертвы».

Осуществив этот предварительный шаг, мы смогли прояснить центральный интерес нашего исследования. Теперь мы могли сконструировать множество вопросов и утверждений, позволяющих нам выяснить, имеют ли наши допущения какое-либо сходство с исходными утверждениями наших со-исследователей. Мы решили составить ряд вопросов, затрагивающих эти допущения, в то же время исключая возможность их воздействия на суждения наших со-исследователей, что могло бы привести к «само-сбывающемуся пророчеству» (*self-fulfilling prophesy*). Уже тогда, я думаю, мы столкнулись с фундаментальным предубеждением, пронизывающим значительную часть психологических исследований.

Сформулированные вопросы включали в себя следующее

1. Пожалуйста, попытайтесь вспомнить (если что-то подобное было) то, что в вашем психотерапевтическом опыте произвело на вас впечатление и что в некотором смысле задело вас или повлияло на вас.

2. Если что-то было в вашем терапевтическом опыте, что произвело на вас впечатление, или в некотором смысле задело, или повлияло на вас, то, что конкретно заставило вас почувствовать, что оно в самом деле произвело впечатление на вас, задело вас или повлияло на вас?

3. Каково было ваше самоощущение до того, как вы начали посещать психотерапевта? В течение психотерапии? После?

4. Какие изменения, если они есть, вы могли бы обнаружить в себе после завершения психотерапии?

5. Что, если что-то подобное было, затрудняло или облегчало ваш психотерапевтический опыт? Делало его приятным или неприятным? Оправданным или бессмысленным?

6. Есть ли что-нибудь, что вы хотели бы добавить?

Проницательность этих вопросов зависела от того, насколько удачно они вписываются в опыт со-исследователей — это отличает их от всякого теоретического знания как со-исследователей, так и самих исследователей об опыте. Как можно увидеть, вопросы были общедоступными и поддавались широкой трактовке, так что каждый мог быть со-исследователем, при условии что он (она) уже имели опыт психотерапии в качестве пациента, достаточный для того, чтобы поделиться своими впечатлениями о нем, и были заинтересованным (-ой) в этом. Соответственно, текущее число со-исследователей могло меняться. В этом конкретном случае на наше приглашение участвовать в структурированном интервью (*structured interview*) ответили одиннадцать со-исследователей.

Завершив структурное обсуждение и переписав каждое интервью целиком, мы предприняли следующие процессуальные шаги.

1. Чтение протоколов

Этот шаг включал в себя тщательное чтение и перечитывание записанных описаний со-исследователей (или протоколов) для того, чтобы исследователи сами ознакомились с ними.

2. Отбор значимых утверждений.

Этот шаг включал в себя возвращение исследователей к каждому протоколу и отбор фраз и предложений, которые непосредственно были связаны с исследуемым феноменом. Некоторые протоколы могли содержать похожие по значению положения — такие повторения были исключены. Например, со-исследователь А говорил о своем ощущении «умиротворения» в конце терапевтической сессии, в то время как со-исследователь С говорила о «спокойствии», которое охватило ее в последний период сессии.

С другой стороны, некоторые суждения содержали определенную специфику, которая переносилась на более общие суждения. Например, со-исследователь Ф детально описала конкретное взаимодействие между ней и ее терапевтом, который привел ее к ощущению неуверенности — может ли она доверять ему? — и рассказала о том, как она желала, чтобы он отвечал иначе: так, чтобы она могла ему доверять. Значимое утверждение, извлеченное из ее слов было следующим: «вербальные обмены между терапевтом и пациентом могут породить как приобретение, так и потерю доверия по отношению к терапевту со стороны пациента».

Кроме того, некоторые утверждения противоречили другим. Со-исследователь Д был шокирован тем, что он сообщил во время терапии; напротив, со-исследователь Х «знал задолго до этого» о том, что он раскроет строго охраняемые секреты, а со-исследователь Б была удивлена тем, как много она сказала, но не испытала ни радости, ни разочарования по поводу этого.

Наконец, некоторые суждения были столь уникальны, что не встречались в других протоколах со-исследователей. Вместо того, чтобы исключать их (что часто происходит в традиционном исследовании), мы постарались включить их в наш список, чтобы они присутствовали в окончательном утверждении.

3. Формулирование смысла.

Этот шаг сложно точно определить, поскольку он подразумевает творческую способность исследователя интуитивно проникать в сказанное, при этом обнаруживая его скрытый и основополагающий смысл. Это рискованный шаг, потому что он включает в себя выход за пределы явного суждения и в то же время удержание смысла, содержащегося в рамках этого суждения, оставляя ясные и конкретные связи между этими двумя моментами. Релевантность смысла (*appropriate meanings*) характеризуется отсутствием навязанных теоретических / аналитических интерпретаций и предпочтением описательной интерпретации. Например:

Протокольное утверждение. Прежде я чувствовал, что все за исключением меня управляли моей жизнью, сейчас я чувствую, что я за нее отвечаю.

Релевантный смысл: Психотерапевтический опыт позволяет пациенту видеть себя в качестве источника своего жизненного опыта.

Нерелевантный смысл: Психотерапевтический опыт сдерживает влияние супер-эго.

Или: Психотерапевтический опыт предоставляет средства для системы рациональных убеждений.

Или: Психотерапевтический опыт предоставляет возможность для позитивного роста.

4. Отбор тематических групп.

Этот шаг включает в себя повторение всех трех шагов для всех протоколов и распределение сформулированных смыслов по разделяемым темам. Здесь мы встречаемся со сложностями интерпретации, подобными тем, какие были отмечены в предыдущем шаге. Они были минимизированы отсылкой каждой отобранной темы обратно к начальным протоколам, с тем чтобы удостовериться, было ли что-нибудь добавлено к протоколам или упущено, что в какой-то мере обесценивало бы подразумеваемый в них смысл. К тому же, этот шаг означал признание допустимости противоречащих, разрозненных и / или своеобразных тем и необходимости терпимого отношения к двусмысленности: «то, что логически невыразимо, может быть экзистенциально реально и ценно» (Colaizzi, 1978, 61).

5. Исчерпывающее описание и формулирование утверждения.

На этом шаге все сформулированные значения и тематические группы объединялись таким образом, чтобы можно было исчерпывающе описать исследуемый феномен в предельно недвусмысленном суждении, идентифицирующем его формальную структуру. Положение, выведенное из описанного исследования, было сформулировано следующим образом:

Психотерапевтический опыт заключается не в приобретении новой информации, но, скорее, в открытии нового способа переживания своего собственного мира. Независимо от своего изначального отношения к психотерапии, все пациенты в какой-то момент сессии чувствуют смущение или потрясение от психотерапевтического опыта или же чувствуют, что они должны как-то оспорить и оценить (*challenge*) терапевтическое воздействие, даже если последнее выражалось в чувстве «потерянного времени» или в ощущении, что «он никуда не ведет».

Наиболее значимые моменты само-раскрытия пациентов (определяемые самими пациентами) создают напряжение, которое имеет существенное значение, независимо от того, находится ли оно в центре внимания или уже нет, верно ли оно услышано психотерапевтом или

нет. Вне зависимости от вида психотерапии пациенты наделяют психотерапевта и отношения, которые он (она) порождает, исключительной ценностью. В самом деле, способ «бытия» психотерапевта и его стиль ответов на вызовы отношений (будь то вербальный обмен, молчание, физический контакт или его избегание) для пациента становится ведущей переменной, по которой психотерапия оценивается в качестве полезной или нет.

Для большинства пациентов уже известное видится в новом свете, извлекая на поверхность прежде скрытые смыслы привычного. Для некоторых пациентов ключевым термином является «перемена» (как к лучшему, так и к худшему); для других — «приятие». Во всех случаях, несмотря на признание его подрывного потенциала, психотерапевтический опыт вызывал ощущение по меньшей мере частичного освобождения от психофизического напряжения. Опыт подобного освобождения мог как длиться несколько часов, так и продолжаться до момента интервью.

Несмотря на то что некоторые изначальные ожидания (*aims*) пациентов могут быть оправданы, это происходит не со всеми. Некоторых со-исследователей отсутствие исполнения ожиданий огорчает; для других эти надежды теряют значение, или воспринимаются как нереализуемые фантазии, или заменяются ранее незафиксированными или невидимыми целями. Некоторые первоначальные цели разоблачаются как ложные или препятствующие более насущным заботам.

Все пациенты, участвовавшие в исследовании, заявили, что получили пользу от психотерапии, хотя для одного участника польза означала «осознание того, какой “бесмыслицей” является психотерапия и радость от возможности исключить ее из своей системы».

7. Подтверждение со стороны со-исследователя.

Этот шаг возвращает исследование обратно к со-исследователям: в нашем случае наши исследовательские находки в форме Финального Отчета (*Final Statement*) были представлены со-исследователями в интервью с глазу на глаз, которое было записано. Цель этого интервью заключалась в том, чтобы удостовериться, насколько адекватно Финальный Отчет описывал или «схватывал» их опыт. Этот шаг стремился к подтверждению адекватности нашего Утверждения по отношению к опыту и суждениям наших со-исследователей. Или же было ли упущено по ошибке или в результате неверной интерпретации что-то важное? Вдобавок мы хотели, чтобы наши со-исследователи рассказали нам, было ли что-нибудь важное, что они ранее не рассматривали или не фиксировали и что возникло в процессе чтения ими Утверждения.

Этот последний шаг может привести исследователя к необходимости составить дополнительный Финальный Отчет, включающий в себя новую информацию, полученную в опыте или исправляющую ошибки, а также проясняющий описания, которые были предоставлены. В нашем случае никаких исправлений не требовалось, и исследование было (временно) завершено.

Заключительные комментарии

К каким бы взглядам ни пришли читатели относительно целесообразности, уникальности или ценности феноменологического исследования, я надеюсь, что они убедились, что феноменологический метод не является методом *per se*, анти-эмпирическим.

Несмотря на то что он проблематизирует фундаментальные допущения и исследовательскую методологию, разделяемые более традиционными психологическими подходами к исследованию, он также стремится предоставить им альтернативу в виде структурированного, артикулируемого метода, согласующегося с целостной установкой на понимание, характерной для феноменологической психологии; более того, заключительные положения так представленного альтернативного метода подлежат соответствующему стандарту проверяемости.

Феноменологическое исследование, как и феноменология в целом, отрицает естественно-научное допущение о том, что смысл, который может быть дан или выведен из какого-либо события, присущ самому событию, независимо от человеческого присутствия. Скорее, феноменологи утверждают, что смыслы встроены в многообразные взаимоотношения между исследователем, со-исследователем и значимым событием, что они возникают из них. Лежащая в основании структура, формирующая эти смыслы, разделяется между ними, хотя перспектива, с которой переживается эта структура, обнаруживает особый способ бытия каждого участника исследования по отношению к значимому событию. Следовательно, исследователь и со-исследователи вовлечены в сотрудничество, предельная цель которого — все более адекватно артикулировать совместный структурный характер исследуемого феномена.

Таким образом, вопреки распространенному неверному представлению о цели феноменологического исследования, последнее, как мы видим, по существу, сосредоточено на прояснении характерных основополагающих структур, различимых в любом конкретном примере отдельного переживания, а не просто является всего лишь процессом, сосредоточенным на субъекте описательного анализа, акцентирующего особенность или различие.

Однако для меня важно еще раз подчеркнуть, что феноменологическое исследование не стремится навязать структурному исследованию некую методологию. Инструменты, описанные в этой главе, служат лишь возможными примерами и указателями, для тех, кто хотел бы испробовать этот способ исследования. Во всех случаях феноменологическое исследование соответствует истине хайдеггеровского изречения о том, что структура всякого *Dasein* такова, что оно «никогда не достигает» (never arrives) [своей «целости»], но всегда только «в пути» (on the way) (Heidegger, 1962).⁶

REFERENCES

- Arendt, H. (1958). *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press.
- Churchill, S. D., & Wertz, F. J. (2001). An Introduction to Phenomenological Research in Psychology. In K. Schneider, J. F. T. Bugenthal, J. Fraser Pierson (Eds.), *The Handbook of Humanistic Psychology: Leading Edges in Theory, Research, and Practice* (247–263). London: SAGE.
- Colaizzi, P. F. (1973). *Reflection and Research in Psychology: a Phenomenological Study of Learning*. Dubuque, IA: Kendall/ Hunt.
- Colaizzi, P. F. (1978). Psychological Research as the Phenomenologist Views It. In R. S. Valle, M. King (Eds.), *Existential-Phenomenological Alternatives for Psychology*. New York: Oxford University Press.
- Crotty, M. (1996). *Phenomenology and Nursing Research*. Melbourne: Churchill Livingstone.
- Denzin, N. K., & Lincoln, Y. S. (Eds.). (1994). *Handbook of Qualitative Research*. London: SAGE.
- Farber, L. (2000). *The Ways of the Will: Selected Essays*. New York: Basic Books.

⁶ Перевод выполнен по изданию: Хайдеггер, М. (2003). Бытие и время. Харьков: Фолио. — Прим. пер.

- Gendlin, E. T. (1997). *Experiencing and the Creation of Meaning*. Evanston: Northwestern University Press.
- Gillett, G. (1995). The Philosophical Foundations of Qualitative Psychology. *The Psychologist*, 8 (3), 111–14.
- Giorgi, A. (1985). *Phenomenology and Psychological Research*. Pittsburgh: Duquesne University Press.
- Harré, R. (1991). What is Scientific about Psychotherapy? *BPS Psychotherapy Section Newsletter*, (11), 14–17.
- Heidegger, M. (1962). *Being and Time*. New York: Harper and Row.
- Hodges, H. A. (1952). *The philosophy of Wilhelm Dilthey*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Karlsson, G. (1993). *Psychological Qualitative Research from a Phenomenological Perspective*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Kaye, J. (1995). Postfoundationalism and the Language of Psychotherapy Research. In J. Siegfried (Ed.), *Therapeutic and Everyday Discourse as Behaviour Change* (29–61). NJ: Praeger.
- Knorr-Certina, K. D. (1981). *The Manufacture of Knowledge*. Oxford: Pergamon Press.
- Kvale, S. (1994). Ten Standard Objections to Qualitative Research Interviews. *Journal of Phenomenological Psychology*, 25 (2), 147–73.
- Kvale, S. (1996). *InterViews*. London: SAGE.
- Mahrer, A. R. (2000). Philosophy of Science and the Foundations of Psychotherapy. *American Psychologist*, 55 (10), 117–125.
- Moustakas, C. (1994). *Phenomenological Research Methods*. London: SAGE Publications.
- Rowan, J. (1998). Letters. *The Psychologist*, 11 (12), 578.
- Valle, R. S., & King, M. (1978). *Existential-Phenomenological Alternatives for Psychology*. Oxford: Oxford University Press.
- Zaner, R. M. (1970). *The Way of Phenomenology*. New York: Pegasus.